В. М. ДОРОШЕВИЧ

Избранное

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«– Марья Гавриловна.

Так фамильярно зовет ее Петербург, Одесса, Нижний Новгород, Тифлис, Варшава, Москва, Ростов-на-Дону, Казань, Полтава, – вся Россия.

В Париже вы не услышите слова „Бернар“, – Париж зовет свою великую артистку просто „Сарой“…»

- Влас Михайлович Дорошевич
  - * * *
  - Марья Гавриловна дома
  - Марья Гавриловна в провинции
  - Марья Гавриловна в Москве
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12

Влас Михайлович Дорошевич "Марья Гавриловна"[1]

«Сцена – моя жизнь»

М. Савина

* * *

– Марья Гавриловна[2].

Так фамильярно зовет ее Петербург, Одесса, Нижний Новгород, Тифлис, Варшава, Москва, Ростов-на-Дону, Казань, Полтава, – вся Россия.

В Париже вы не услышите слова «Бернар», – Париж зовет свою великую артистку просто «Сарой».

– Сара[3] играет. Эту роль создала Сара. Сара вернулась. Сара опять уезжает.

Самойлова публика называла не иначе как Василием Васильевичем, Васильева 2-го – Павлом Васильевичем, Садовского – Провом Михайловичем, Шуйского – Сергеем Васильевичем[4].

Есть нечто высшее, чем популярность, – «фамильярность толпы». Фамильярничать можно только с великими писателями, художниками, артистами. Это то же, что в литературе. Писать просто «Григорович»[5] можно только о Григоровиче. Говоря в печати о г. Потапенко[6], обязательно прибавлять вежливое «господин»: г. Потапенко. И г. Потапенко вряд ли когда-нибудь отделается от этого надоедливого «господина».

«Г-жа Савина» фамильярно переименована в «Марью Гавриловну» повсеместно, и в Астрахани точно так же, как в Петербурге ходят «на бенефис Марьи Гавриловны», а не «на бенефис г-жи Савиной».

– Я видел в этой роли Марью Гавриловну!!! Как бы я хотела быть на спектакле Марьи Гавриловны. Знаете новость: к нам едет Марья Гавриловна.

И если бы какой-нибудь шутник вздумал спросить: «кто это Марья Гавриловна?» – ему бы, наверное, с удивлением ответили:

– Как кто? Кажется, у нас есть одна Марья Гавриловна.

В этом маленьком очерке мы не будем говорить об «артистке Александринского театра г-же Савиной». Наша скромная задача набросать маленький эскизный портрет «Марьи Гавриловны».

Марья Гавриловна дома

Превратитесь на время в скромного провинциального актера. Вы сыграли в одну из артистических «поездок» с Марьей Гавриловной несколько ролей и на вашем письменном столе красуется портрет с надписью «Сцена – моя жизнь». Приехав в Петербург, вы сочли своим долгом «явиться к Марье Гавриловне», сделали визит в ее официальный приемный час, от 4 до 5 и вышли совсем афраппированный. Вы, скромный провинциальный лицедей, никак не ожидали очутиться в обществе писателя, которого вчера еще чествовала, по случаю полувекового юбилея, вся Россия; критика, при одном имени которого у вас дрожь побежала по телу, и таких титулованных поклонников. Вы молча и робея просидели в уголке, с нетерпением ожидая, когда же кончатся «ваши десять минут», и только было с облегчением откланялись, а тут еще Марья Гавриловна, прощаясь, позвала вас к себе на чашку чаю после спектакля.

Лучше бы она не приглашала! Опять очутиться в обществе людей, при которых только краснеешь и молчишь. В чем явиться? Разумеется, надо надеть фрак, как вы всегда являетесь во фраке к маркизе д'Обервиль в драме «Две сиротки»[7].

И как вы неуклюже будете себя чувствовать в этом фраке, очутившись вечером в интимном кружке двух-трех товарищей по сцене. Вы пришли посидеть «maximum полчаса» и не замечаете, что просидели полтора-два часа. Сегодня шел «Спорный вопрос»[8], и вы ожидали увидеть усталую, измученную женщину, с разбитыми нервами, мигренем и т. п. А она весела, оживлена, словно не сыграла 4 актов душераздирательной драмы, а только что вернулась с прогулки.

– Я никогда не чувствую себя такой бодрой, полной здоровья, сил, – как после спектакля. После спектакля я чувствую в себе столько сил, – что, кажется, была бы в состоянии выдержать на своих плечах целый дом.

Вам хочется разрешить свое молчание каким-нибудь комплиментом, вроде того, что «вы, мол, и так втроем, вчетвером держите на своих плечах весь Александринский театр», – но вам кажется, что большой бронзовый бюст Тургенева как будто начинает иронически улыбаться. Вы в душе махнули рукой:

– Ну ее! Ей вон какие свои восторги выражали[9]. Что я ей скажу после них?

И вы решаетесь молчать. Да вам, собственно, и не надо говорить. Марья Гавриловна сама говорит за всех, пересыпая свои рассказы массой острот.

Эти маленькие беседы всегда начинаются одним условием:

– Ни слова о театре.

Такое начало означает, что во весь вечер не будет сказано ни слова… ни о чем, кроме театра. Сцена – это ее жизнь. Она интересуется всем, но живет только, когда говорит о сцене.

– Вы не поймете меня. Вы никогда не были морфинистом?

– Н-нет.

– Ну, вот. А я морфинистка.

– ?!?!?!

– Сцена – это мой морфий. Без сцены – я не живу. Я должна играть – как алкоголик должен пить. Без этого нет жизни.

Прошлую неделю она хандрила: сыграть только два спектакля за целую неделю!

– Я хотела просить дирекцию, чтоб меня хоть отпустили в провинцию на то время, когда я здесь не нужна.

Но зато теперь Марья Гавриловна чувствует себя как нельзя лучше: на этой неделе нет ни одного свободного дня.

Вы выходите от этой артистки, которая с таким несомненным правом пишет на своих карточках «Сцена – моя жизнь», – с впечатлением превосходно проведенного вечера, наслушавшись всевозможных новостей, с улыбкой вспоминаете ее остроты и прямо готовы расхохотаться, когда в зеркале швейцарской отражается фигура… во фраке.

– Ах, я… – вы произносите нелестный для себя эпитет, но все-таки не совсем еще приходите в себя от удивления:

– Странно! Марья Гавриловна – и вдруг так просто, по-товарищески, душевно… Примадонна Крутобокова, с тех пор как в Завихрывихряйске познакомилась с исправником, начала всем подавать только два пальца.

Марья Гавриловна в провинции

С того дня, как на афишных столбах запестрели афиши о спектаклях Савиной, – Харьков сразу потерял свою сонную физиономию. Город в суете.

– Вы куда?

– За билетом на спектакль Марьи Гавриловны.

– Ни одного. Мне поручено достать две ложи, – и ни одной.

– Говорят, Иван Иванович достал три.

– Не отдает.

На дебаркадере «весь Харьков». Молодежь, почтеннейшие лица города. Каждый из них, кроме тех приветствий, которые он приготовил для Марьи Гавриловны, должен еще непременно запомнить ее дорожный туалет, – всегда представляющий последнее слово изящества и вкуса. И это «последнее слово» желают знать все: Анна Петровна, Катерина Васильевна, Перепетуя Егоровна.

Марья Гавриловна с любезной улыбкой выслушивает приветствия и принимает букеты, – но ее занимают в эти минуты не приветствия, не букеты, – ее волнует только один вопрос, который она и задает распорядителю артистического товарищества, приехавшему в город раньше:

– Что?

– Ни одного свободного места, – отвечает он мрачно и ворчит, отходя к одному из приехавших артистов:

– Кажется, уж в который раз в Харькове. Пора бы знать, что всегда битком, а все спрашивает: «что»?

Он имеет причины злиться и ворчать. На него, а не на кого другого накинется вечером толпа молодежи:

– Сажайте, где хотите!

– Да что я вас, на колени, что ли, посажу к публике!

– Все равно. Отыщите место. Иначе мы сами к Марье Гавриловне.

Это было бы мудрено, потому что Марья Гавриловна волнуется, выходит из себя и «раз на всегда» объявила, чтоб к ней не смели никого пускать. Она создала успех этой пьесе в Петербурге, сделала ее репертуарной, раз двадцать сыграла при переполненном зале и громе аплодисментов, – но все-таки волнуется, словно сегодня дебютирует в первый раз на сцене.

– Но, Марья Гавриловна…

– Уйдите. Ни слова. То Петербург, а то Харьков. Вдруг здесь…

Молодежь пришлось рассадить в первой кулисе. Она смотрит пьесу в открытые окна «павильона». Марья Гавриловна играет

среди публики, – и это нисколько не мешает ей, играя Бог знает в который раз «Татьяну Репину»[10], действительно бледнеть в той сцене, когда Сабинин делает вид, что ее не знает.

Через оркестр тянется бесконечная вереница букетов, аплодируют в зале, за кулисами, на подъезде, – но для Марьи Гавриловны все это недостаточно убедительно.

– Мало ли что аплодируют.

Ей нужно знать мнение публики.

* * *

В Полтаве, где после Карла XII[11], кажется, не было ни одного мало-мальски замечательного человека, туземный ресторатор прямо потерял голову. Что сделалось с публикой! После спектакля и вдруг в ресторан! Никогда не бывало. Садик ресторана весь занят, ресторатор не знает, куда усадить публику, и когда ему указывают на беседку, увитую диким виноградом, таинственным шепотом заявляет:

– Там Марья Гавриловна со своими артистами.

За столиками только и разговоров, что о Марье Гавриловне. За ближайшим от беседки двое степняков-помещиков, которые, вероятно, с 32-го года не выезжали в театры.

– Нет, как она сыграла эту сцену! Ты заметил? Изумительно.

Собеседник молча выпивает рюмку водки.

– А смерть! А смерть! Поразительно!

Собеседник, мрачный старик из отставных военных, наконец, выходит из себя:

– Да что вы все заладили, как попугаи: удивительно, да изумительно, да поразительно. Ничего тут не вижу ни удивительного, ни изумительного, ни поразительного. Сказано: «Савина», – ну, значит, она и обязана играть хорошо. Вот и все.

Кажется, Марья Гавриловна, подслушавшая это из-за зелени, которой окутана беседка, готова пойти и расцеловать этого мрачного старца.

Вот это похвала. Это не аплодисменты – минутное увлечение, это не комплимент, сказанный в глаза.

Она довольна, потому что слышала, что публика говорит о ней между собой, а мрачный военный привел Марью Гавриловну в окончательный восторг.

Марья Гавриловна в Москве

– Дома. Принимают! – швейцару «Славянского базара» даже надоело повторять одни и те же слова бесконечной веренице господ неимоверно длинных, неимоверно коротеньких, толстых, тощих, седых, с еле пробивающимися усиками, плешивых и длинноволосых, со сверточками под мышкой поднимающихся к Марье Гавриловне.

В большой комнате, где трудно повернуться, чтоб не задеть корзины с цветами или букета, только что перебывала вся театральная Москва, изрекающая свои непогрешимые приговоры артистам и пьесам. Здесь только что слышалось:

– С завоеванием! С победой! С выигранным сражением!

И теперь, на смену, потянулись люди со сверточками в руках.

– Марья Гавриловна, уделите хоть чуточку внимания сему четырехактному плоду вдохновения…

– Марья Гавриловна, пустячок в пяти действиях.

– Марья Гавриловна, прочтя сей водевиль, скажите: есть у меня талант драматурга?

Москва считает своим долгом поставлять пьесы, и делает это в необычайном количестве.

Гора тетрадок на письменном столе все растет, и только что красовавшееся сверху эффектное заглавие «Ох, как тяжела ты шапка Мономаха», или «Переутомление» заменило другое не менее эффектное название: «Жертва роковых страстей» или «Телеграфист».

Каждая пьеса, не исключая и «Телеграфиста», будет внимательно прочитана, и каждый автор получит очень любезный ответ.

Но когда успевает Марья Гавриловна прочитывать все эти вороха пьес? Этот вопрос интриговал вашего покорнейшего слугу настолько, что я однажды задал его Марье Гавриловне.

– Я читаю их обыкновенно на сон грядущий.

– Но ведь у вас чуть не ежедневно в десять часов утра репетиция.

– Что ж из этого? Я всегда встаю в восемь.

Так, очевидно, крепко спится от чтения теперешних пьес. И есть еще злые языки, которые утверждают, будто современная драматическая литература не в состоянии принести никакой пользы!

* * *

«Марья Гавриловна» – это слишком сложная и интересная личность, чтоб нарисовать ее портрет тремя-четырьмя штрихами.

Но мне хотелось хоть слегка наметить отношение этой артистки к сцене, публике, товарищам, драматургам.

Если вы хотите знать о ее отношениях к прессе, – то она с одинаковым интересом читает и рецензии влиятельного столичного органа, и глубокомысленную критику лохматого рецензента «Завихрывихряйских новостей».

Точно так же, сколько мне известно, интересуются каждой печатной о них строкой Росси, Поссарт, Сара Бернар, Барнай, Элеонора Дузэ, Эммануэль, – и только великая артистка Гарриэтт, в оперетке «Бедный Ионафан»[12], с гордостью заявляет:

– Я газетных рецензий никогда не читаю.

notes

Примечания

1

Впервые – «Петербургская газета», 1894, 27 января, No 26. Опубликовано без подписи. Авторство Дорошевича определяется содержанием (в том числе повтором некоторых эпизодов, встречающихся в последующих его публикациях о Савиной) и стилем произведения.

2

Савина Мария Гавриловна (урожд. Подраменцова-Стремлянова, 1854—1915) – русская актриса, с 1874 г. и до конца жизни играла в труппе Александринского театра. Высокое психологическое мастерство отличало ее в ролях русского классического репертуара (пьесы Гоголя, Островского, Тургенева), в создании разнообразной галереи женских образов в драматургии конца XIX-начала XX вв. Савина горячо защищала интересы «актерского сословия», была одним из организаторов и председателей Русского театрального общества. См также раздел «Письма».

З

Сарра Бернар – см. «Гаснущие звезды. Сарра».

4

Самойлова публика называла не иначе как Василием Васильевичем, Васильева 2-го – Павлом Васильевичем, Садовского – Провом Михайловичем, Шумского – Сергеем Васильевичем. – *Самойлов Василий Васильевич* (1813—1887) – русский актер, представитель актерской семьи Самойловых. Работал в труппе Александрийского театра, был мастером внешнего перевоплощения. *Васильев Павел Васильевич* (1832—1879) – русский актер, представитель актерской семьи Васильевых. Его называли Васильевым 2-ым в отличие от Васильева 1-го, старшего брата, актера Сергея Васильевича Васильева (1827—1862). Павел Васильев много играл в провинции, с 1860 г. был в труппе Малого театра, тяготел к реалистическому изображению русских характеров, прежде всего в пьесах Островского, отличался яркостью сценического темперамента. *Садовский* (настоящая фамилия Ермилов) *Пров Михайлович* (1818—1872) – русский актер, родоначальник актерской семьи Садовских. Всю жизнь играл в Малом театре. Крупнейший представитель сценического реализма эпохи А.Н. Островского. Был мастером в создании сатирических характеров в водевилях, пьесах Мольера и особенно Островского. *Шумский* (настоящая фамилия Чесноков) *Сергей Васильевич* (1820—1878) – русский актер, ученик М.С. Щепкина, играл в Малом театре. Его игра отличалась артистизмом и естественностью, был актером без амплуа и потому проявил себя в разнообразных ролях в пьесах Тургенева, Сухово-Кобылина, Островского, Мольера.

5

Григорович Дмитрий Васильевич (1822—1900) – русский писатель, автор получивших широкую известность повестей «Деревня» (1846) и «Антон-Горемыка» (1847).

6

Потапенко Игнатий Николаевич (1856—1929) – русский писатель, модный в 90-е годы и чрезвычайно плодовитый беллетрист.

7

…к маркизе д'Обервиль в драме «Две сиротки». – «Две сиротки» (1874) – мелодрама французских писателей А. Деннери и Е. Кормон.

8

«Спорный вопрос» (1893) – пьеса В.А. Александрова.

9

…большой бронзовый бюст Тургенева… Ей вон какие свои восторги выражали. – И.С. Тургенева и Савину связывали особые дружеские отношения. Писатель был покорен талантом актрисы и влюблен в нее (См. Тургенев и Савина. Письма И.С. Тургенева к М.Г. Савиной. Воспоминания М.Г. Савиной об И.С. Тургеневе. Пг., 1918).

10

…в который раз играет «Татьяну Репину»… – *«Татьяна Репина»* (1887) – пьеса А.С. Суворина. Савина впервые исполнила роль Татьяны 11 декабря 1888 г., выступала в ней до 1909 г.

11

В Полтаве, где после Карла XII… – Войска шведского короля Карла XII (1682—1718) потерпели поражение в Полтавской битве в 1709 г.

12

…Барнай, Элеонора Дузэ, Эмануэль, и только великая артистка Гарриет в оперетке «Бедный Ионафан»… – *Барнай* Людвиг (1842—1924) – немецкий актер и театральный деятель, для его игры была характерна подчеркнутая патетика. Гастролировал в Москве в 1885—1886 гг. *Дузе Элеонора* (1858—1924) – популярная итальянская актриса, ее искусство отличалось тонким психологизмом. Гастролировала в России в 1891 и 1908 гг. *Эмануэль* Джованни (1848—1902) – итальянский актер-трагик, в 1893 г. гастролировал в России. *Гарриет* – персонаж комической оперы «Бедный Ионафан» австрийского композитора К. Миллекера (1842—1899).